

УДК 930(470)“210”

А. Ю. Виноградов, М. И. Коробов

ДВА КРИТИЧЕСКИХ ОТКЛИКА НА ПУБЛИКАЦИЮ ГОТСКИХ ГРАФФИТИ С МАНГУПА

В статье дается развернутый ответ на критику, прозвучавшую в адрес нашей публикации недавно найденных готских надписей-граффити из Горного Крыма (*Виноградов А. Ю., Коробов М. И.* Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Вып. 76 (3–4). С. 57–75). Замечания Д. А. Шальги (*Шальга Д. А.* К вопросу о письменности крымских готов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2016. Вып. 21. С. 312–316; *Она же.* Приложение: Язык крымских готов // Айбабин А. И. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь, 2017. С. 310–322) носят в основном технический характер и касаются некоторых обстоятельств находки, хранения и издания готских граффити, а также особенностей их языка (прежде всего, полного отсутствия в нем местных диалектных черт, что увязывается автором с проблемой датировки граффити и с реконструированной нами историей их появления). В статье мы проясняем указанные обстоятельства, отсутствие же следов крымскоготского диалекта в языке граффити объясняется нами культивированием в среде образованных крымских готов-христиан литературного стандарта, идентичного языку перевода Библии Вульфила. Критический отзыв М. А. Курьшевой и Б. Л. Фонкича (*Курьшева М. А., Фонкич Б. Л.* К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78 (3). С. 167–179) практически целиком посвящен датировкам, выполненным нами с опорой на палеографические признаки сопровождающих готские граффити греческих надписей. Наряду с техническими замечаниями нами ставятся под сомнение утверждения авторов отзыва о том, что унциальная бета с удлиненной нижней перекладиной и минускул могли присутствовать в эпиграфике Северного Причерноморья до IX в.

Ключевые слова: готские граффити, греческая палеография, крымскоготский язык, мангупская базилика, эпиграфика.

TWO CRITICAL REACTIONS TO THE PUBLICATION OF THE GOTHIC GRAFFITI FROM MANGUP

The paper offers a detailed response to the criticism over our publication (2015) of the recently found Gothic graffiti from Crimea. We address and clarify technical nuances

pertaining to the first discovery of the stones bearing the graffiti, their storage and rediscovery, and the circumstances of their original appearance according to our reconstruction – all those being questioned by D. A. Shalyga (2016, 2017), as well as her puzzlement at the absence of local dialect traits in their language, which we explain as a vestige of the fact that the literary idiom of the Crimean Goths was the language of Wulfila's Bible translation. Responding to the article by M. A. Kuryшева and B. L. Fonkich (2017) that concentrates on the dating of Greek inscriptions on the same stones (and on which our date for the Gothic graffiti is dependent) we challenge the authors' principal claim that the uncial beta with the elongated lower stroke and the minuscule in Greek inscriptions of the North Black Sea region may predate the 9th century.

Keywords: epigraphy, Crimean Goths, Gothic graffiti, Greek paleography, Mangup basilica.

DOI 10.7868/S0131878018010099

Наша недавняя публикация столь неординарного памятника, как готские граффити с Мангупа, довольно быстро вызвала научные отклики, как положительные¹, так и критические: Д. А. Шалыга² ставит под сомнение готскую часть публикации, М. А. Курышева и Б. Л. Фонкич³ оспаривают датировку греческих граффити на тех же камнях и, соответственно, готских надписей.

Прежде чем перейти к разбору конкретных замечаний, сделаем одну общую ремарку. Судя по всему, призывающим нас к научной акрибии крымскому и московским оппонентам не удалось пока ознакомиться с изучаемыми граффити *de visu* в Бахчисарае (при том, что Д. А. Шалыга проживает в 30 км от места их хранения, а М. А. Курышева, насколько нам известно, участвует в крымских конференциях). И дело не только в том, что эпиграфика – это, по выражению величайшего эпиграфиста XX в. А. Вильгельма, наука «*im Felde*», но и в конкретных проблемах, вызванных отсутствием аутопсии. Так, в статье М. А. Курышевой и Б. Л. Фонкича утверждается, что авторы «не

¹ Например: *Quak A.* De ontbrekende schakel: Nieuwe Gotische teksten gevonden op de Krim // *Madoc*. 2016. Vol. 30. P. 130–135; *Nielsen H. F.* The phonological systems of Biblical Gothic and Crimean Gothic compared // *Die Faszination des Verborgenen und seine Entschlüsselung – Rādi saR kunni: Beiträge zur Runologie, skandinavistischen Mediävistik und germanischen Sprachwissenschaft* / Hrsg. von J. Krüger, V. Busch, K. Seidel, Ch. Zimmermann, U. Zimmermann. Berlin; Boston, 2017. S. 277–290.

² *Шалыга Д. А.* К вопросу о письменности крымских готы // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь*, 2016. Вып. 21. С. 312–316.

³ *Курышева М. А., Фонкич Б. Л.* К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // *Средние века*. 2017. Вып. 78 (3). С. 167–179.

нашли случаев “перекрытия” греческими граффити готских надписей» (с. 169), но насколько нам известно, самими нашими оппонентами анализ указанных нами мест этого «перекрытия», к сожалению, не предпринимался, тогда как для оценки первичности нанесения на камень той или иной надписи личный осмотр камня просто необходим. Авторы критического отзыва используют печатную иллюстрацию к статье, заведомо уступающую в качестве цифровым фотографиям, которые позволяют посредством обработки современными программами редактирования изображений обойтись без столь любимых нашими оппонентами прорисовок (менее, заметим, достоверных, чем фотоснимки), а также цифровые фотографии, присланные В. Н. Науменко (если это те же снимки, которые он любезно выполнил для нас, то они отличаются недостатком резкости и отсутствием бокового освещения), а цифровые фотографии в нашем корпусе почему-то оказались обойдены вниманием. Вероятно, если бы авторы критической статьи использовали фотографии лучшего качества, то они, возможно, не написали бы, что под последней строкой граффито IOSPE³ V 193.³⁴ достаточно места для окончания надписи (с. 176) – ведь ровно под ней располагается конец первой строки готской надписи I.1. Точно так же, многие вопросы Д. А. Шалыги к нам, вероятно, были бы сняты, если бы она смогла визуальнo изучить камни.

Касательно указания Д. А. Шалыги о том, что чтение граффити производилось по фотографиям и потому не может быть надежным (с. 314), следует уточнить: цифровыми фотографиями мы пользовались только при подготовке предварительной публикации⁵, а в марте 2016 г. в Бахчисарайском музее-заповеднике произвели аутопсию архитектурных фрагментов с граффити, которая позволила проверить, а в ряде моментов уточнить и исправить первоначальные чтения, что отражено в последующих работах⁶. В частности, аутопсия подтвердила, что строки справа от готской надписи I.1 выполнены по-гречески, очевидно, в более позднее время, так как они занимают менее удобные для письма места на камне и частично перекрыва-

⁴ Электронная публикация 5-го тома 3-го издания *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* – [Электронный ресурс] URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/> (дата доступа: 28.01.2018) (далее в статье – IOSPE³ V с указанием номера надписи).

⁵ Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Вып. 76 (3–4). С. 57–75.

⁶ Korobov M., Vinogradov A. *Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim* // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Stuttgart, 2016. Bd. 145. S. 141–157; Виноградов А. Ю., Коробов М. И. *Corrigenda: Готские граффити из Мангупской базилики* // Средние века. 2017. Вып. 78 (1–2). С. 323–325.

ют текст готской надписи (строка 8, слово *midjun[gard-]*). Граффити снизу от I.1 также читаются по-гречески⁷.

Далее Д. А. Шалыга сосредоточивает критику на слове **w(e)ina-gardja*, реконструированном нами при попытке прочесть поврежденные места в надписях I.2 (где видны только начальные W и I) и I.4 (уверенно читаются буквы WINAG). Необходимые оговорки относительно гипотетичности данной реконструкции были сделаны и в предварительной⁸, и в последующей публикации⁹. Так, в первом случае (надпись I.2) нами не исключается и вариант *w(e)i[hins]* (форма gen. sg. от *weiha* ‘священник’)¹⁰, а во втором (надпись I.4)¹¹ контекст и сохранность текста позволяют видеть в WINAG как название профессии в форме dat. pl. после предлога: *us w(e)inag[ardjam]* ‘из виноградарей’, так и топоним в форме dat. sg., например, *us W(e)inag[arda]*, букв. ‘из Виноградника’ – ср. замечание В. Томашека о том, что готы могли называть словом *Weinagards* весь Крым¹².

Что касается значения слова *wingart* (при библ. гот. *weinagards* = греч. ἄμπελὼν ‘виноградник’) в крымскоготском, то, действительно, в словаре Бусбека это слово глоссируется через лат. *vitis* ‘виноград, лоза’. Но, во-первых, язык обсуждаемых готских граффити, как и алфавит, выбранный для его записи, однозначно указывают на сохранение и культивацию именно библейского готского языка в качестве литературного (наряду с греческим) у готоязычного населения Крыма, как минимум, до IX–X вв. Во-вторых, от сообщения Бусбека мангупские граффити отделяет около семи столетий, при том, что невозможно даже приблизительно датировать семантический переход ‘виноградник’ > ‘виноград’ в крымскоготском (допустив, что Бусбек и/или его информатор верно передали значение термина). В-третьих, даже если этот переход уже свершился ко времени нанесения граффити, а лексема со значением ‘виноградарь’ не является архаизмом, сама возможность образования профессионального имени от названия возделываемой культуры вовсе не представляется

⁷ Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim. S. 147, Anm. 26.

⁸ Vinogradov A.Ю., Korobov M. И. Готские граффити из Мангупской базилики. С. 72.

⁹ Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim. S. 149, 152.

¹⁰ Параллели в греческой эпиграфике см.: Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim. S. 148.

¹¹ Ibid. S. 150.

¹² Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881. S. 59.

невероятной с точки зрения типологии – взять хотя бы ст.-слав. *виноградъ* (для которого, кстати, фиксируются оба значения: и ἄμπελόν, и ἄμπελος) и *виногражданинь* = лат. *vinitor*¹³ или безусловно знакомый автору русский узус.

Датировка готских надписей произведена нами по строгим и верифицируемым палеографическим признакам¹⁴ (см. также ниже) и вряд ли может быть убедительно поставлена под сомнение общим указанием Д. А. Шалыги на «дальнейшую известную судьбу крымско-готского (sic!) языка» (с. 314). Об этой судьбе достоверно известно то, что крымские готы-христиане сохраняли свою веру и свой язык в качестве разговорного еще в XVI в., и это в условиях длительного политического господства мусульман и крымскотатарского этнического доминирования на полуострове. Непонятно, каким образом этот факт заставляет сомневаться в литургическом использовании готского языка в феме Херсон (основана ок. 840 г.) в рамках существовавшей здесь не позже чем с середины VIII в. Готской епархии. К слову, сигмообразная форма буквы S (Σ) в готских граффити к их датировке не имеет прямого отношения и, вопреки замечанию Д. А. Шалыги (с. 314), не рассматривается нами как хронологический маркер, ведь готские манускрипты с латинообразной S создавались в Италии уже в VI в. Релевантным этот признак становится при определении культурных связей крымских готов, места и времени проникновения к ним письменной культуры на родном языке. Поскольку замена Σ на S в дукте итальянских рукописей обязана латинскому влиянию¹⁵, можно заключить, что алфавит Вульфилы проник в Крым из областей, где это влияние не было господствующим, вероятнее всего, с Нижнего Дуная: там этот алфавит был изначально создан, там готское богослужение, по сообщению Валафрида Страбона¹⁶, сохранялось еще в IX в., т. е. очень близко ко времени появления мангупских граффити. Это отражено в выводах наших статей.

Наконец, заявленная Д. А. Шалыгой необходимость более объективных инструментальных исследований возраста (читай: под-

¹³ Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae / Hlavní redaktor J. Kurz. Praha, 1958. T. 1. S. 191.

¹⁴ Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики. С. 63–64, 72; Коробов М., Виноградов А. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim. S. 144, 153.

¹⁵ Braune W. Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wörterverzeichnis / Neu bearb. von F. Heidermanns. 20. Aufl. Tübingen, 2004. S. 20.

¹⁶ Walahfrid Strabo's Libellus de exordiis et incrementis quarundam in observationibus ecclesiasticis rerum / Transl. and comm. by A. L. Harting-Correa. Leiden, 1996. P. 72.

линности) надписей (с. 314, 315), вероятно, встретила бы с нашей стороны полное понимание, если бы наш оппонент представил свое видение того, в чем именно эти исследования должны заключаться. Работа с найденными граффити, выполненная нами в пределах нашей научной компетенции, и результаты которой опубликованы, исключают возможность фальсификации надписей. Помимо палеографических и лингвистических соображений в пользу подлинности граффити говорят раздельное хранение надписей, многочисленные потертости, выбоины и сколы на поверхности камня, а также явная зависимость в расположении греческих надписей на тех же фрагментах от готских. Выходит, подлинность греческих граффити (некоторые из них исследовались и публиковались ранее¹⁷) тоже нужно поставить под сомнение? Конечно, история изучения готов в Крыму знает примеры эпиграфических подделок, в том числе и незлонамеренных, как, например, знаменитая руническая стела с горы Опук¹⁸, но, как прекрасно известно автору отзыва, ясность в вопрос о происхождении артефакта внесли не некие инструментальные исследования, а обнаружение его современного автора¹⁹.

Переходя к статье М. А. Курышевой и Б. Л. Фонкича, мы позволим себе выразить некоторое удивление тем, что для критики палеографической датировки греческих граффити из Мангупской базилики потребовалось ждать публикации готских надписей: как признают сами оппоненты, критикуемый ими предмет намного полнее изложен в соответствующих леммах более раннего издания византийских надписей Северного Причерноморья (IOSPE³ V 183 и 193). Если же для них так важны именно готские граффити, то не ясно, почему они не упоминают ни наших поправок к первой публикации в «Средних веках», ни развернутой публикации в «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», хотя все выходные данные статей указаны на официальной интернет-странице одного из нас, А. Ю. Виноградова²⁰.

¹⁷ Например: *Айбабин А. И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999. С. 123–124.

¹⁸ *Шалыга Д. А.* Об атрибуции рунической надписи на стеле с г. Опук // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Вып. 7. С. 205–207.

¹⁹ *Шалыга Д. А.* О квазирунической надписи с горы Опук // XVI Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: Географическая среда и социум: Мат-лы конф. Симферополь, 2015. С. 387–388.

²⁰ [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/staff/andrey.vinogradov#sci> (дата доступа: 28.01.2018).

Теперь обратимся к конкретным замечаниям, которые наши оппоненты приводят после долгого технического вступления (с. 168–170). Как упрек нам приводится игнорирование публикации одного из греческих граффити М. А. Тихановой (с. 170–171), однако мы продолжаем настаивать, что представленная в ее статье буквенная передача граффито идентична набору надписей маюскулом в корпусе В. В. Латышева, на который ориентировались все отечественные эпиграфисты, она не может считаться полноценным изданием текста, так как в ней отсутствует смыслоразличительная диакритика и интерпункция. Далее (с. 172) утверждается, что А. Ю. Виноградов оставил без внимания несообразности в публикации В. П. Яйленко, предположившего принадлежность надписи ранневизантийскому баптистерию. Между тем, в нашем комментарии к IOSPE³ V 183 мы прямо отвергаем все гипотезы В. П. Яйленко. Затем, говоря о нашей палеографической датировке граффито, М. А. Курышева и Б. Л. Фонкич, похоже, просто не поняли нашу мысль: во фразе «Тиханова сопоставляет шрифт надписи с V 21, V 56, относящимися к V–VII вв., и с V 47 (IX–X вв.)» датировки надписей принадлежат нам, а не Тихановой, как легко проверить по леммам указанных надписей. Четвертая надпись, которую М. А. Тиханова приводит как палеографическую аналогию, вообще относится к римскому времени, что никак не может говорить в пользу предлагаемой ею ранневизантийской датировки. Вообще, непонятно, почему авторы ставят нам в вину указание на ошибочные датировки надписей М. А. Тихановой.

Ниже (с. 173) наши оппоненты излагают главный аргумент – невозможность точно датировать бету с удлиненной нижней гастой IX–X вв. Непонятно, правда, зачем при этом обращаться к нашей статье о ранневизантийской (!) палеографии и почему наш отказ от общей характеристики палеографии граффити мешает нам разбирать шрифт отдельных надписей. Здесь обнаруживается, как нам кажется, основная проблема: авторы, специалисты по рукописям, могут не вполне осознавать специфику эпиграфического материала. Так, анализируя приводимые нами примеры нового палеографического стиля Херсона и Горного Крыма IX–X вв., который характеризуется «прежде всего, бетой (и кси) с “подчеркиванием”, но с меньшим заострением», они указывают на отсутствие в двух из десяти (!) надписей беты (которая ясно читается и в надписи из Глубокого Яра) или кси, не понимая, очевидно, что формы беты и кси – это наиболее ясные, но не единственные признаки нового стиля, который характеризуется и другими формами букв (альфа с петлей и др.), сближающими его с аналогичным стилем на Боспоре, только с меньшим за-

острением букв. При этом индивидуальный стиль каждого резчика, особенно в граффити, конечно, различается, что не отменяет общей схожести стиля в надписях различных резчиков. Некорректна и попытка М. А. Курышевой и Б. Л. Фонкича представить дело так, что бета с удлинённой нижней гостой известна в Северном Причерноморье только по одной датированной надписи – IOSPE³ V 243 (906 г.). Внимательный просмотр всего корпуса надписей покажет, что она встречается также в датированных надписях IOSPE³ V 317 (884 г.) и 134.8 (1034 г.), равно как и в херсонском граффито IOSPE³ V 91.2, хорошо датируемом по археологическому контексту X–XI вв.

Эта ошибка наших оппонентов порождает следующую – попытку найти аналогии бете с удлинённой нижней гостой в других регионах, никак с Крымом не связанных, причем выбираются почему-то наиболее отдаленные от Крыма периферийные области византийского мира – Италия и Киликия. Однако авторы не заметили, что уверенно цитируемые ими как ранневизантийские надписи в корпусе А. Гийу не содержат точной даты: № 119 датируется им по типу аккламации (!), № 135 – с большим сомнением и безо всякого объяснения, а № 61 – по аналогии с № 119! Вообще, датировки в корпусе Гийу крайне противоречивы: так, № 113 в тексте датирован VI в., а в комментарии – X в. Что же касается надписи № 15 из корпуса Ж. Дагрона и Д. Фесселя, то она также не содержит даты и датирована издателями тоже только по палеографии, т. е. недостаточно основательно, по логике наших оппонентов; отметим также неоправданную конъюктуру Ἰωάννου Λητ(ωί)ου ἐπισκόπου вместо ясно читаемого Ἰωάννου λητοῦ ἐπισκόπου «Иоанна, художего епископа», что ставит под вопрос просопографическую датировку надписи. Таким образом, оказывается, что М. А. Курышева и Б. Л. Фонкич не привели в качестве контраргумента не только ни одной – хотя бы точно не датированной – ранневизантийской надписи Северного Причерноморья с удлинённой нижней гостой беты, которая бы подтвердила возможность такой формы в данном регионе до IX в., но и ни одной датированной ранневизантийской надписи с такой формой беты вообще (что не означает отсутствия такой возможности)! Кроме того, следует помнить, что палеографические «моды» распространялись в разных регионах византийского мира с разной скоростью – в Северном Причерноморье катализатором «моды» на бету с удлинённой нижней гостой могли стать монеты Василия I (867–886) с такой буквой посередине: действительно, первый пример такой формы беты в северопричерноморской эпиграфике датируется 884 г. (см. выше).

В начале следующего раздела (с. 175–176) М. А. Курышева и Б. Л. Фонкич допускают еще две натяжки. Во-первых, вопреки их мнению, ни в корпусе, ни в статье мы не присоединяемся к датировке надписи А. И. Айбабиным XI в., а лишь указываем, что такая датировка «ближе к истине», чем датировка В. П. Яйленко VI в.; более того, в нашей статье даже дана критика ошибочной гипотезы А. И. Айбабина²¹. Во-вторых, хотя предположение А. И. Айбабина о применении титула *παλῆς* к чтецу, действительно, базируется на словаре Софоклиса, произведенный нами заранее (и не произведенный, очевидно, нашими оппонентами) поиск по базе данных TLG²² показал правоту этой гипотезы. И уже совсем странной выглядит претензия к нашей передаче надписи из Санта-Северины, которую мы даем по корпусу К. Весселя, а не по изданию А. Гийу, где постановка подстрочных йот различается, что, однако, не имеет никакого отношения к предмету обсуждения – формуле надписи. Все вышеизложенное заставляет считать, что для деконструкции предложенной нами картины развития палеографии византийских надписей в Северном Причерноморье нужны более серьезные доводы, чем просто обвинение в датировке «на глазок».

Наконец, М. А. Курышева и Б. Л. Фонкич переходят к своему второму и последнему палеографическому аргументу – указанию на невозможность датировать минускул остальных греческих граффити из Мангупской базилики временем не ранее IX в. (с. 178–179). Но и здесь выдвигаемые ими контраргументы при внимательном рассмотрении вызывают ответные вопросы. Во-первых, авторы уверенно утверждают, что мангупские граффити написаны не книжным минускулом, а минускульным курсивом, который, действительно, значительно древнее первого. Однако совершенно непонятно, на каком основании сделан такой поистине сенсационный вывод: в его обоснование наши оппоненты не привели ни одного (!) примера сравнения палеографии мангупских граффити с образцами книжной или деловой письменности, тем более, из Северного Причерноморья. Во-вторых, наша датировка появления минускула в эпиграфике Северного Причерноморья базируется на строго верифицируемой основе – на датированных минускульных надписях данного региона, самая ранняя из которых датируется по ономастике и титулатуре VIII–IX вв. (IOSPE³ V 16, 226), а точно датированная относится

²¹ Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики. С. 59.

²² [Электронный ресурс] URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (дата доступа: 28.01.2018).

к 1027 г. (IOSPE³ V 89.3). Наконец, поскольку, как было показано выше, никаких примеров беты с удлиненной нижней перекладиной в Северном Причерноморье ни до, ни после конца IX – первой половины XI в. нет, то, значит, и соседние с унциальным минускульные граффити на мангупских камнях должны датироваться близким временем.

В итоге, мы можем констатировать, что ни одно из замечаний М. А. Курышевой и Б. Л. Фонкича не бьет в цель (кроме указания на нашу ошибочную ссылку на Тиханову относительно таманской надписи). Хотелось бы не только отметить неубедительность приведенных ими аргументов против предложенной нами датировки мангупских граффити, но и напомнить о том, насколько осторожны должны быть даже столь выдающиеся специалисты по греческой рукописной палеографии, когда они вступают в смежную, но не идентичную область палеографии византийских надписей. Для последней, наряду с основой в виде датированных памятников, крайне важной представляется также опора на региональные надписи и их особенности, включая отсутствие в них тех или иных палеографических элементов до и после определенного момента. Наконец, возвращаясь к теме эпиграфики как науки «*im Felde*», хотелось бы напомнить, что наши оппоненты пренебрегли важнейшим архитектурно-археологическим аргументом в пользу предложенной нами датировки граффити второй половиной IX–X в. – их нанесением на вторично использованную верхнюю сторону карниза VI в., связанным с разрушением Мангупской базилики в хазарский период и практически исключающим более раннюю датировку надписей.

Р. S. Уже после того как готовый текст нашего ответа был отправлен в журнал «Средние века», нам стал доступен еще один критический отзыв Д. А. Шалыги на нашу публикацию готских граффити с Мангупа²³. Ознакомившись с оригиналами, исследователь предъявляет к нам претензии преимущественно технического свойства, с которыми мы не можем согласиться (за исключением указания на находку фрагментов не в вымостке, а на ней). На с. 316 отмечается, что поспешность наших выводов о готской письменности и богослужении в Крыму подтверждается нашими же последующими публикациями (однако наша статья в немецком журнале почему-то не указана), однако в этих публикациях мы даем лишь уточненные чтения отдельных мест, только подтверждающие наши предыдущие

²³ Шалыга Д. А. Приложение: Язык крымских готов // Айбабин А. И. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь, 2017. С. 310–322.

выводы. Что же касается сомнений относительно раздельного хранения двух фрагментов, то фрагмент II получил после находки шифр лапидария (что легко можно проверить в инвентарных книгах), а фрагмент I хранился без номера среди других находок с Мангупа. Кстати, факт именно такой передачи фрагментов на хранение в музей М. А. Тихановой показывает, что она не считала фрагмент I памятником эпиграфики. Утверждая на с. 318, что «визуально определить, нанесены отдельные надписи и рисунки позже или раньше других, на основании степени сохранности и их местоположения можно только гипотетически», Д. А. Шалыга почему-то игнорирует наши конкретные аргументы в пользу стратификации надписей (вторичность греческих надписей относительно готской надписи I.1); не опровергается и наш аргумент об удобном для письма расположении готских граффити.

Напротив, собственные предположения Д. А. Шалыги не могут не вызвать удивления. Так, она считает возможным, «что верхняя сторона декоративного элемента размещалась горизонтально на высоте, удобной для нанесения на нее надписей и рисунков; он мог служить карнизом под окном базилики» (с. 317), однако трудно представить себе, чтобы десятки авторов готских и греческих граффити и рисунков (тем паче, клирики) залезали на окно клеристория. Тот факт, что «все надписи и рисунки имеют одинаковую ориентацию», никак не противоречит нашему предположению о вторичной вставке фрагментов карниза в стену храма, где на них и наносились граффити.

Предположение Д. А. Шалыги о том, что готские надписи могли быть результатом деятельности «отдельного православного клирика, знавшего готское письмо» (с. 318), опровергается фактом наличия в граффити, как минимум, двух разных почерков. Так, буква W в надписи I.1 (три примера) и, возможно, I.3 (единожды, инициал) имеет форму, близкую греческому маюскульному ипсилону, тогда как в остальных надписях (всего четыре примера) ее форма скорее У-образна²⁴. Имеются и другие отличия, объяснимые разницей почерков (наша статья о палеографии готских мангупских надписей готовится к печати). Жаль, что во время личного осмотра камней с граффити уважаемый оппонент не обратила на это внимания. Добавим (предупреждая возможный аргумент сторонников версии «отдельного клирика» после ознакомления с нашей статьей

²⁴ Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim. S. 151–152.

в «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur»), что упоминание в I.4 и II.1 одного и того же имени – Дамиан (оба раза в генитиве: *Damja[na]us* и *Damjan[aus]* соответственно)²⁵, вряд ли может служить таким аргументом, так как из контекста не следует, что автор(ы) надписей и человек, в них упомянутый – одно и то же лицо. Надписи могли быть и коммеморациями, оставленными близкими нашего Дамиана (или Дамианов).

Указание Д.А Шалыги на отсутствие в готском языке граффити следов местного диалекта и на сомнительность, в связи с этим, предлагаемой нами датировки (с. 318) лишено конкретики и заставляет лишь догадываться о том, что известно автору отзыва о крымско-готском диалекте IX–X вв. В любом случае, как отмечалось выше, надписи выполнены языком и алфавитом перевода Библии, с соблюдением его орфографических конвенций, что само по себе демонстрирует желание писавших «выдержать стиль» независимо от того, насколько велики на тот момент были накопленные различия между их разговорным языком и литературным стандартом, которым они пользовались. Уверенность Д. А. Шалыги в том, что языковые инновации вернакуляра непременно должны были найти отражение в граффити, по сути ни на чем не основана²⁶.

Итак, тот факт, что Д. А. Шалыга делает некоторые собственные предположения относительно личности автора готских граффити («отдельного православного клирика, знавшего готское письмо», см. выше), свидетельствует о том, что исследователь, пусть и с оговорками, признает подлинность надписей. Тогда тем более отраднo, что автор очерка о языке крымских готs не сделала ни одного (!) замечания по поводу нашего прочтения готских граффити.

²⁵ Ibid. S. 150.

²⁶ Единственной характерной чертой, представленной в мангупских граффити и отличающей их язык от языка готского перевода Библии, является написание *-i-* на месте библ. гот. *-ei-* (Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim. S. 149, 152). Но и здесь мы не можем с уверенностью сказать, отражает ли это фонетическую реалию крымскоготского диалекта, а именно сокращение долгого гласного [i:] (орфографически *-ei-*) в начальном слоге в позиции после *w-*, или является локальной исключительно орфографической конвенцией. То, что оба случая такого написания в граффити встречаются в поврежденных строках, а чтение соответствующих слов всего лишь реконструируется, заставляет рассматривать такие предположения с осторожностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

Айбабин А. И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999.

Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2015. Вып. 76 (3–4). С. 57–75.

Виноградов А. Ю., Коробов М. И. Corrigenda: Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78 (1–2). С. 323–325.

Курьшева М. А., Фонкич Б. Л. К палеографической интерпретации греческих граффити Мангупской базилики // Средние века. 2017. Вып. 78 (3). С. 167–179.

Шалыга Д. А. Об атрибуции рунической надписи на стеле с г. Опук // Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2000. Вып. 7. С. 205–207.

Шалыга Д. А. О квазирунической надписи с горы Опук // XVI Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья: Географическая среда и социум: Мат-лы конф. Симферополь, 2015. С. 387–388.

Шалыга Д. А. К вопросу о письменности крымских готов // Мат-лы по археологии, истории и этнографии Таври. Симферополь, 2016. Вып. 21. С. 312–316.

Шалыга Д. А. Приложение: Язык крымских готов // Айбабин А. И. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь, 2017. С. 310–322.

Braune W. Gotische Grammatik mit Lesestücken und Wörterverzeichnis / Neu bearb. von F. Heidermanns. 20. Aufl. Tübingen, 2004.

Korobov M., Vinogradov A. Gotische Graffito-Inschriften aus der Bergkrim // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. Stuttgart, 2016. Bd. 145. S. 141–157.

Nielsen H. F. The phonological systems of Biblical Gothic and Crimean Gothic compared // Die Faszination des Verborgenen und seine Entschlüsselung – Rādi saR kunni: Beiträge zur Runologie, skandinavistischen Mediävistik und germanischen Sprachwissenschaft / Hrsg. von J. Krüger, V. Busch, K. Seidel, Chr. Zimmermann, U. Zimmermann. Berlin; Boston, 2017. S. 277–290.

Quak A. De ontbrekende schakel: Nieuwe Gotische teksten gevonden op de Krim // Madoc. 2016. Vol. 30. P. 130–135.

Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae / Hlavní redaktor J. Kurz. Praha, 1958.

Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.